Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о Джамиле и сыне его дяди

Рассказывают также, что Масрур-евнух говорил: "Однажды ночью повелитель правоверных Харун ар-Рашид сильно мучился бессонницей. И он спросил меня: "О Масрур, кто у ворот из поэтов?" И я вышел в проход и увидал Джамиля ибн Мамара-альУзри [572] и сказал ему: "Отвечай повелителю правоверных!" И Джамиль молвил: "Слушаю и повинуюсь!" И я вошел, и он вошел со мною и оказался меж рук Харуна ар-Рашида, и приветствовал его, как приветствуют халифов.

И ар-Рашид вернул ему приветствие и велел ему сесть, и потом сказал: "О Джамиль, есть ли у тебя какой-нибудь удивительный рассказ?" - "Да, о повелитель правоверных, - ответил Джамиль. - Что тебе более любо: то, что я видел и лицезрел, или то, что я слышал и чему внимал?" - "Расскажи мне о том, что ты видел и лицезрел", - сказал халиф. И Джамиль молвил: "Хорошо, о повелитель правоверных! Обратись ко мне всем своим существом и прислушайся ко мне ушами".

И ар-Рашид взял подушку из вышитой золотом красной парчи, набитую перьями страусов, и положил ее себе под бедра, а затем он оперся на нее локтями и сказал: "Ну, подавай свой рассказ, Джамиль!"

"Знай, о повелитель правоверных, - сказал Джамиль, - что я пленился одной девушкой и любил ее и часто ее посещал..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят девятая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид облокотился на парчовую подушку и сказал:

"Ну, подавай свой рассказ, Джамиль!" И Джамиль начал: "Знай, о повелитель правоверных, что я пленился одной девушкой и любил ее и часто ее посещал, так как она была предметом моих желаний, тем, что я просил от жизни. А потом ее родные уехали с вею из-за скудности пастбищ, и я провел некоторое время, не видя ее, но затем тоска взволновала меня и потянула к этой девушке, и душа моя заговорила о том, чтобы к вей отправиться. И когда наступила некая ночь из ночей, тоска по девушке начала трясти меня, и я поднялся и, затянув седло на верблюдице, повязал тюрбан, надел свое рубище, опоясался мечом и подвязал копье. А затем сел на верблюдицу и выехал, направляясь к девушке, и ехал быстрым ходом. И я выехал некоей ночью, и была эта уочь темная, непроглядная, и приходилось мне к тому же преодолевать спуски в долины и подъемы на горы. И и слышал со всех сторон рыканье львов, вой волков и голоса зверей, и мой разум смутился, и взволновалось мое сердце, а язык мой неослабно поминал Аллаха великого.

И когда я ехал таким образом, вдруг одолел меня сон, и верблюдица пошла со мной не по той дороге, по которой я ехал, и сон овладел мной. И вдруг что-то ударило меня по голове, и я проснулся, испуганный, устрашенный, и увидел деревья и реки. И птицы на ветвях щебетали на разные голоса и напевы, а деревья на лугу переплетались одно с другим. И я сошел с верблюдицы и взял поводья в руки и до тех пор осторожно выбирался, пока не вывел ее из-за этих деревьев на равнину. И тогда я поправил на ней седло и сел на ее спине прямо, и не знал я, куда направиться и в какое место погонят меня судьбы. И я углубился взором в эту пустыню, и блеснул мне огонь по середине ее. И тогда я ударил верблюдицу пяткой и ехал по направлению к огню, пока не приблизился. И я приблизился к огню и всмотрелся, и вдруг вижу палатку, воткнутое копье, возвышающееся знамя, коней и свободно пасущихся верблюдов! И я сказал себе: "С этим шатром связано великое дело, так как я не вижу в этой пустыне ничего другого". И я направился в сторону шатра и сказал: "Мир с вами, обитатели шатра, и милость Аллаха и его благословение!" И вышел ко мне из шатра юноша, сын девятнадцати лет, подобный луне, когда она сияет, и доблесть была видна меж его глаз. "И с тобою мир и милость Аллаха и благословение его, о брат арабов! - сказал он. - Я думаю, что ты сбился с дороги". "Это так и есть, - ответил я. - Выведи меня, помилует тебя Аллах!" - "О брат арабов, - молвил юноша, - наша местность полна львов, а сегодня ночь мрачная, дикая, очень темная и холодная, и я боюсь, что растерзает тебя зверь. Остановись у меня, в уюте и просторе, а когда прядет завтрашний день, я выведу тебя на дорогу".

И я сошел с верблюдицы и спутал ей ноги длинным поводом, а потом снял бывшие на мне одежды и разделся и немного посидел. И юноша взял овцу и зарезал ее и, подойдя к огню, разжег его и заставил разгореться. А затем он вошел в шатер и вынес мелких пряностей и хорошея соли, стал отрезать куски мяса и жарить их на огне. Ион покормил меня, а сам то вздыхал, то плакал. И он издал великий крик и горько заплакал и произнес такие стихи:

"Остались только вздохи неслышные

И пара глаз - зрачки неподвижны их,

Сустава нет на теле теперь его,

Где не было б недуга упорного.

Слеза его струится, и внутренность

Горит его, но молча страдает оу.

Враги его из жалости слезы льют

Беда тому, о ком скорбит враг его".

И тогда я понял, о повелитель правоверных, - говорил Джамиль, - что юноша влюблен и взволнован любовью - а узнает любовь лишь тот, кто вкусил вкус любви - и подумал: "Не спросить ли мне его?" Но затем я отвратил от этого свою душу и сказал себе: "Как я накинусь на него с вопросами, когда я в его жилище?" И я удержался от расспросов и поел мяса, сколько мне потребовалось, а когда мы покончили с едой, юноша поднялся и, войдя в шатер, вынес чистый таз, красивый кувшин и шелковый платок, вышитый по краям червонным золотом, и бутыль, наполненную розовой водой с мускусом, и я удивился его изысканности и обходительности и сказал себе; "Я не видывал такой изысканности в пустыне".

И мы вымыли руки и поговорили немного, а потом юноша вошел в шатер, отделил меня от себя занавеской из красной парчи и сказал: "Входи, о лик арабов, и ложись на ложе: тебе досталось этой ночью утомление, и ты испытал в путешествии чрезмерные тяготы".

И я вошел, и вдруг вижу - постель из зеленой парчи, и тогда я снял бывшие на мне одежды и провел ночь, равной которой я не проводил в жизни..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот девяноста

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот девяноста, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Джамиль говорил: "И я

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
провел ночь, равной которой я не проводил в жизни, и все время думал об этом юноше. И когда ночь окутала землю и глаза заснули, я вдруг услышал слабый голос, мягче и нежнее которого я не слыхивал, и, подняв занавес, опущенный между нами, я увидал девушку, прекраснее которой лицом я не видывал. Она сидела рядом с юношей, и они плакали и жаловались друг другу на муки страсти, любви и волнения и на сильную тоску по сближению. "О Диво Аллаха! - подумал я. - Кто это второе существо? Когда я входил в палатку, я видел только этого юношу, и у него никого не было".

И потом я оказал себе: "Нет сомнения, что это дочь джиннов, которая любит этого юношу, и он уединился с нею в этом месте, и она уединилась с ним". Но я пристально вгляделся в девушку, и оказалось, что она из людей, арабка, и, открывая лицо, она смущала сияющее солнце и палатка освещалась светом ее лица. И, убедившись, что эта девушка - возлюбленная юноши, я вспомнил другого влюбленного и, опустив занавеску, закрыл лицо и заснул.

А когда наступило утро, я надел одежду и, омывшись для молитвы, совершил те моления, которые были для меня обязательны, и затем сказал юноше: "О брат арабов, не хочешь ли ты вывести меня на дорогу, - ты уже оказал мне милость". И юноша посмотрел на меня и сказал: "Не торопись, о лик арабов! Пребывание гостя длится три дня, и я не таков, чтобы отпустить тебя раньше, чем через три дня".

И я провел у него три дня, - говорил Джамиль, - а когда наступил четвертый день, мы сели побеседовать, м я заговорил с юношей и спросил, как его зовут и какого он происхождения. "Что до моего происхождения, - сказал юноша, - то я из племени Бену-Узра, а по имени я - такой-то, сын такого-то, а мой дядя - такой-то". И оказалось, о повелитель правоверных, что он сын моего дяди я принадлежит к благороднейшему дому племени Бенууэра. "О сын дяди, - спросил я его, - что тебя побудило уединиться в этой пустыне? Как ты мог пренебречь своим состоянием и состоянием твоих отцов и как покинул ты своих рабов и рабынь и остался один в этом месте?"

И когда юноша услышал мои слова, о повелитель правоверных, его глаза наполнились слезами, и он сказал: "О сын дяди, я любил мою двоюродную сестру и был пленен ею, безумен от любви и одержим страстью к ней, так что не мог с нею расстаться. И когда моя любовь к ней езде усилилась, я посватался за нее, но мой дядя отказал мне и выдал ее за одного человека из узритов, который вошел к ней и увез ее в ту местность, где она находится с прошлого года. И когда она от меня отдалилась и ее скрыли от моих взоров, волнения любви и сильная тоска и страсть побудили меня покинуть моих родных и расстаться с друзьями и приятелями и со всем моим состоянием, и я уединился в этой палатке, здесь в пустыне, и подружился с одиночеством". - "А где их палатки?" - спросил я, и юноша сказал: "Они близко, на вершине той горы, и каждую ночь, когда засыпают глаза и ночь успокаивается, девушка тайно выскальзывает из стана, так что не знает об этом никто, и я удовлетворяю с ней желание беседою, и она тоже удовлетворяет его. И вот я живу в таком состоянии, утешаясь ею час в течение ночи, и пусть свершает Аллах дело, которое решено: или придет ко мне успех в этом деле назло завистникам, или рассудит Аллах за меня, а он лучший из судей".

И когда юноша рассказал мне все это, о повелитель правоверных, - говорил Джамиль, - его дело меня озаботило, и я не знал, что думать, так как меня охватила за него ревность. "О сын моего дяди, - сказал я ему, не хочешь ли ты, чтобы я указал тебе хитрость, которую я тебе посоветую, в ней будет, если пожелает Аллах, источник устроения и путь к верному успеху и ею избавит тебя Аллах от того, чего ты боишься". - "Говори, о сын дяди", - молвил юноша. И я сказал: "Когда наступит ночь и придет девушка, брось ее на мою верблюдицу - она быстра на бегу, - а сам садись на твоего коня, я же сяду на одну из этих верблюдиц и проеду с вами одну ночь. И не наступит еще утро, как мы уже пересечем степи и пустыня, и ты достигнешь желаемого и овладеешь любимою сердца. Равнины земли Аллаха обширны, а я, клянусь Аллахом, буду тебе помогать, пока я жив, и душой, и достоянием, и мечом..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто первая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Джамиль сказал сыну своего дяди, чтобы он взял девушку, и они оба увезут ее ночью, и он будет ему помогать и содействовать, пока жив, и юноша, выслушав это, сказал: "О сын дяди, я раньше посоветуюсь с нею. Она умна, разумна и проницательна в делах".

"И ночь окутала землю, - говорил Джамиль, - и настала пора девушке приходить, и юноша ждал ее в установленное время, но она опоздала против обычного. И я увидел, что юноша вышел из палатки и, закрыв рот, стал вдыхать веяние ветра, который дул с ее стороны, и он втягивал ее благоухание и произносил такие стихи:

"О ветр востока, веянье несешь ты

Из той страны, где милая обитает,

О ветер, ты несешь любимой призрак"

Не знаешь ли, когда она прибудет?"

И затем он вошел в палатку и просидел там некоторое время, плача, а потом сказал: "О сын моего дяди, поистине с моей двоюродной сестрой произошло что-то сегодня, и случился какой-то случай, и задержало какоенибудь препятствие. Будь на месте, пока я не принесу тебе вестей", - сказал он потом и, взяв меч и щит, скрылся и отсутствовал часть ночи. А затем он вернулся ко мне, неся что-то в руках. И он крикнул меня, и я поспешил к нему, и он спросил: "О сын дяди, знаешь ли ты, в чем дело?" "Нет, клянусь Аллахом", - отвечал я. И он сказал: "Беда поразила меня сегодня ночью в моей двоюродной сестре. Она отправилась к нам, и повстречался ей по дороге лев и растерзал ее, и осталось от нее только то, что ты видишь".

И он бросил то, что было у него в руках, и это были хрящи девушки и то, что осталось от ее костей" И юноша заплакал сильным плачем и, бросив свой лук, взял в руку мешок и сказал мне: "Не двигайся, пока я не приду к тебе, если захочет Аллах великий".

И он ушел и отсутствовал некоторое время, а потом вернулся, неся в руке голову льва. И он бросил ее и потребовал воды, и когда я принес воду, он вымыл льву рот и стал целовать его, плача, и усилилась его печаль о девушке, и он произнес такие стихи:

"О лев, самого себя в несчастия ввергнул ты

Погиб ты, но взволновал о милой печаль во мне

Меня одиноким сделал ты, а был друг я ей,

И брюхо земли ее могилою сделал ты

Судьбе говорю, меня разлукой сразившей, я:

Аллах сохрани, чтоб ей взамен не взял друга я,

"О сын дяди, - сказал он мне потом, - прошу тебя ради Аллаха и долга близости и родства, которое между вами, исполни мое завещание. Ты сейчас увидишь меня перед собою мертвым, и когда это случится, обмой меня и заверни с остатками костей дочери моего дяди в эту рубаху и похорони вас вместе в одной могиле. А на могиле нашей напиши такие стихи:

Мы жили с ней на хребте земли жизнью сладостной,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
Близка и она была, и дом ваш, и родина,

Но злые превратности судьбы разлучили нас,

Лишь саван сближает нас в утробе земли теперь"

И он заплакал сильным плачем и, войдя в палатку, скрылся на некоторое время, а потом он вышел и стал вздыхать и кричать, и затем издал единый вопль и расстался с жизнью. И когда я увидел это, мне стало тяжело, и это показалось мне столь великим, что я едва за ним не последовал от сильной печали. И я подошел к юноше и положил его и исполнил то, что он велел мне сделать, в я завернул их обоих в саван и похоронил вместе, в одной могиле. И я провел у их могилы три дня, а потом уехал, и я два года приезжал и посещал их, и вот какова была их история, о повелитель правоверных".

И когда выслушал ар-Рашид слова Джамиля, он нашел их прекрасными и оказал ему милости и наградил его наградой".